

СВЯЗАН

с тобой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дэйдри́м

Связан с тобой

«Автор»

2026

Дэйдрим

Связан с тобой / Дэйдрим — «Автор», 2026

Их столкновение неизбежно. Но то, что начинается как война, стремительно перерастает в нечто гораздо более личное и опасное. Между ними — искры и попытки переиграть друг друга на каждом шагу. И за всем этим — напряжение, которое невозможно игнорировать. Эта книга о столкновении двух миров, где холодный расчёт встречается с живыми эмоциями, а ненависть оказывается слишком близкой к одержимости. Здесь нет однозначно правильных или неправильных — только желание победить и невозможность отпустить.

© Дэйдрим, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Данте. Стальной король	5
Данте. Иди на ...	9
Эверли. Бархат	11
Данте. Наслаждайся вином	16
Эверли. Хочешь вплавь?	19
Данте. Они настоящие	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дэйдрим Связан с тобой

Данте. Стальной король

Утренний свет пробивался сквозь плотный антрацит ткани, подсвечивая красный персидский ковер, делая его похожим на лужу лавы. Автоматическая система раздвижных штор тихо зажужжала, впуская новый день в мое царство тьмы. Оранжевое солнце застенчиво выглядывало из-за горизонта.

Где-то далеко внизу, на девяносто этаже ниже меня, город уже гудел клаксонами и сиренами. Но сюда, за тройное бронированное стекло, долетал только беззвучный рассвет. Создавалось впечатление, что Нью-Йорк существовал в другой, более шумной вселенной.

Я просыпался в пять тридцать утра без будильника практически каждый день. Мое тело, выдрессированное годами строгой дисциплины, отвергало саму идею долгого сна. Для меня долгий сон был признаком расточительства и слабости. Потраченное зря время, которое можно было превратить в деньги.

Лежа неподвижно, я слушал едва уловимый гул климат-контроля, который поддерживал девятнадцать градусов круглый год и круглые сутки. Воздух был лишен всех раздражающих меня запахов, диффузеров и живых цветов. Мощные фильтры зачищали мое пространство от любых раздражителей, оставляя стерильность, в которой я мог расслышать собственные мысли.

Я коснулся ступнями полированного норвежского гранита и его прохлады дала мне первый заряд бодрости. Контраст между теплой постелью и камнем привел мое сознание в состояние идеальной фокусировки.

В пять сорок пять утра я принял пятиминутный ледяной душ, выбивая из тела последние осколки ночи. Надел черный спортивный костюм "*Kanna*" и приступил к утренней тренировке. Оснащенный новейшим оборудованием спортивный зал располагался в комнате, которая по задумке архитектора должна быть детской. Но я отрицал саму идею быть родителем и жертвовать своим комфортом в угоду маленькому, срущему под себя человечку.

Моя тренировка состояла из получасового кардио, часа на железо и тридцати минут кик-боксинга с видом на парк. Пот лился с меня ручьями. Удары по груше отдавались глухим эхом в полупустой комнате, и с каждым из них я представлял чье-то конкретное лицо — иногда отца, иногда человека, чье имя я забуду еще до завтрака.

Перед уходом из зала я кинул взгляд в зеркало на свою работу. Под кожей почти не было жировой прослойки. Рельеф моих мышц отчетливо просматривался под намокшей футболкой.

Затем следовал хамам, основательный душ и завтрак. Зеленый смузи, два яйца всмятку и черный кофе без сахара. На кухонном острове из серого мрамора стоят два MacBook Pro с готовыми утренними брифингами. Внутренняя безопасность, отчеты из филиалов в Токио и Лондоне, рыночные котировки и сливки инсайдерской информации от моих хакеров на фрилансе. Аритмия в азиатском секторе поставок. Скачок давления со стороны регуляторов в ЕС. Я усмехнулся, потому что поймал себя на мысли, что рассуждаю как чертов доктор.

Я делал заметки в виртуальном ежедневнике, когда зазвонил мой личный телефон.

— Сенатор Коллинз подтвердил свое присутствие на премьере LinkV в отеле Рэдиссон в следующую пятницу, — без приветствий отчитался Малкольм. За эту экономичность я ценил своего ассистента и друга больше всего. — И еще он просил напомнить о своем интересе к проекту в заливе. Я заверил его, что его интерес уже учтен.

Учтен означало, что мы уже подготовили для него долю в офшоре, аккуратно упакованную, как конфета. Как и любой политический паразит, Ричард Коллинз думал, что использует меня, но я лишь позволял ему так думать, прокладывая свой путь к Олимпу по его старым костям.

— По поводу наших друзей из Италии, — продолжал Малкольм. — Доставка через порт Нью-Джерси прошла без замечаний. В знак признательности брата Джованни передали подарок ко дню твоего рождения. Судя по накладной это антикварные шахматы «Regence». Я не удержался и вскрыл посылку. Фигуры из слоновой кости, если меня не подводит зрение.

Я ухмыльнулся. Позерский ход, чтобы похвастаться, что у них есть доступ к закрытым аукционам. Изысканный жест, чтобы показать, что они знают о моем увлечении. Отец учил меня улыбаться им в лицо и всегда держать палец на спусковом крючке пистолета под столом.

— Отправь корзину Dom Pérignon Rosé Vintage в их частный клуб в Неаполе. И персональную записку с благодарностью, — сказал я, допивая кофе. — И выплати бонус менеджеру порта за хорошую работу.

— Считай уже сделано.

В восемь сорок пять мой лифт, доступ к которому есть у трех человек в мире, открыл свои двери. Я вошел внутрь и меня окружило мое множественное отражение. Сегодня я надел костюм и шерсти викуньи от Китон черного цвета и белую рубашку из египетского хлопка. Галстуки я презирал и всегда оставлял две верхние пуговицы свободными, чем особенно бесил отца. Мои осветленные короткие волосы были слегка растрепаны, разбавляя мой строгий вид.

Лифт остановился на восьмом этаже и я перешел в соседнее здание через парк на крыше. Утро пахло мокрой землей после ночного полива и хвоей карликовых сосен, высаженных вдоль дорожек. Снова зайдя в лифт, я нажал кнопку сорокового этажа, чтобы оказаться в штаб-квартире *Садонис Тек*.

Я купил этот роскошный двухуровневый офис три года назад и превратил его в магнит для лучших умов со всего мира. Почти тысяча квадратных метров открытой планировки на первом уровне и кабинетами, конференц-залами и брифинг-комнатами на втором. Здесь непрерывающая кипела работа. Мои аналитики, трейдеры и программисты работали сменами, и менялись в зависимости от часовых поясов, чтобы моя компания всегда была в полном рабочем состоянии. Гул голосов, стук клавиш, тихий перезвон телефонов — этот шум был для меня приятнее любой музыки, потому что каждый его децибел означал деньги, которые делались прямо сейчас. Я прошел мимо столов, приветствуя своих сотрудников, поднялся по лестнице наверх и вошел в свой кабинет.

Темная, почти черная штукатурка делала комнату, похожей на холодную и безжизненную пещеру. Вдоль стен тянулись витрины с моими игрушками, которые я покупал на аукционах. В стеклянном кубе, покоился доспех эпохи Эдо, чьи пластины лакированной кожи и стали были скреплены шелковым шнуром. Свиток с каллиграфией, которую я так и не удосужился перевести. Небольшая шкатулка, которую я так и не открыл и даже не представлял, что там внутри. Самурайские мечи, сделанные лучшими мастерами Японии подсвечивались диодными лампами. Свет играл на тончайших деталях цуба и острых как бритва лезвий.

— Инцидент с утечкой в отделе разработок разрешен, — в кабинет зашел Малькольм. Он встал перед моим столом, не отрываясь от планшета. — Сотрудник уволен. Ему направили компрометирующие материалы на его личную жизнь и дан совет не искать работу в нашей отрасли в ближайшие пять лет. Наши финансовые потери минимизированы.

Я удовлетворительно кивнул, включая мониторы. Мне нравился язык манипуляций и необратимости последствий больше, чем язык угроз и криков.

— Как там наши стажеры? — спросил я.

— Двое проявили нерешительность во время смоделированной ситуации. Лично моя рекомендация — не брать их в штат.

— Я тебе доверяю в вопросе выбора новичков. Нерешительность может стоить слишком дорого для компании. Заполни освободившиеся позиции теми, кто был на тестах в Цюрихе. Швейцарцы знают толк в надежности.

Малькольм коротко кивнул и вышел из кабинета.

День делился на отрезки по тридцать минут. Звонки, встречи, видео-конференции. Я слушал свою команду, задавал вопросы, вскрывающие суть проблем и принимал решения. Меня не интересовали оправдания, межличностные конфликты и обстоятельства. Мне нужны были результаты и полная лояльность людей с которыми я работал. Лояльность, основанная не на любви ко мне, а на уважении, здоровом страхе и щедром вознаграждении. Я платил зарплаты выше рынка, но требовал взамен душу.

Отец прислал мне короткое сообщение об ужине завтра в семь вечера в его частном загородном клубе. Я отложил телефон, ощущая знакомое холодное напряжение у основания черепа. Наша игра с отцом в хороший отец — хороший сын длилась уже почти семь лет. С тех пор, как он решил постепенно передать дела мне. Это давалось ему с трудом. Король восточного побережья не хотел уступать трон своему сыну.

Я был его наследником, который давно перестал ждать его смерти и начал забирать власть методично, сектор за сектором. Из-за этого он злился на меня, потому что его империя переставала ему подчиняться. Его приглашение было очередной попыткой убедиться, что у него осталась хоть капля влияния.

В обед я поехал в свой любимый итальянский ресторан. Угловой столик у окна всегда держали для меня свободным, и симпатичная хостес, увидев меня, молча убирала табличку «зарезервировано», не дожидаясь, пока я подойду. Там я принялся изучать досье человека, с которым мне предстояло встретиться в конце недели. Бизнесмен русского происхождения Сергей Орлов занимался логистикой. Но реальной сферой его интересов были власть, молодые девушки и все, что приносило деньги. А еще у него была хорошая коллекция редких часов и довоенных автомобилей. Отец заигрывал с ним уже больше года. Играл в гольф и катал на яхте, надеясь на то, что это принесет пользу *Садонис Тек*.

После двух встреч с акционерами во второй половине дня, я вернулся в свой пентхаус. Я смотрел на вечерний город и пальцы сами собой набрали номер Софии. Женщина появилась ровно через час, как и было условлено. Ее привез Малькольм на моем *Maybach* с затемненными окнами, чтобы никто не смог ее увидеть. Он выдал ей временную ключ-карту от служебного лифта, которая действовала всего один раз.

Наши с ней отношения были выверены до мелочей, как все в моей жизни. София была идеальной любовницей, потому что не претендовала ни на что большее. Утонченная и изящная блондинка, бывшая балерина. Она обладала острым умом, достаточным, чтобы принимать правила моей игры. Она не спрашивала о моих делах, не рассказывала о своих. Не намекала на отношения и не фантазировала о совместном будущем. София была воплощением эстетики и секса.

Сбросив пальто у лифта, она медленно направилась ко мне. Я обернулся, наслаждаясь ее прекрасным телом. Черное бархатное платье подчеркивало белизну ее кожи.

— Данте, — низким голосом сказала она.

— Прими душ и приходи в спальню, — сказал я и прошел мимо нее. София знала, что это было приглашение не в *мою* душевую и не в *мою* спальню. Мы трахались с ней на бездушной кровати в одной из четырех гостевых комнат.

Через десять минут София вышла, одетая лишь в черный шелковый халат и чулки. Я сидел на краю кровати, уже без рубашки и смотрел в пространство перед собой. Она подошла ко мне, скидывая халат на пол, залезла на кровать и устроилась позади меня. Ее руки, нежные и сильные, коснулись моих плеч, ловкие пальцы впились в зажатые мышцы. За долгое время

она изучила мое тело лучше любого массажиста. Она разминала мое тело, выгоняя из него усталость.

Мои предпочтения в постели были отражением меня самого. Неконтролируемые, жесткие и лишённые сентиментов. Я не искал утешения и тепла. Мне нужен был выход адреналина другого порядка. Боль, смешанная с наслаждением была моим любимым языком и София прекрасно меня понимала. Между нами была почти математическая гармония. Она делала свое дело, я — свое.

После секса она какое-то время лежал, уставившись в потолок, пока я утилизировал презерватив, полный моих неродившихся детей. София перевернулась на бок и дотронулась до моей спины.

— Где будешь праздновать свой день рождения?

— В Швейцарии, — отрезал я.

— Уедешь на два дня?

— На три, — я повернул голову и посмотрел на девушку. Ее лицо на секунду показалось страшной бледной маской. — Хочу побыть один.

Я и правда хотел на пару дней свалить из города и побыть в тишине. Семейное швейцарское шале в Энгадине стало моим убежищем от суеты города. Отец ненавидел это место. Говорил, что горный воздух размягчает мозг.

София тихо встала и молча пошла в ванную. Через десять минут она вернулась, полностью одетая и со свежим макияжем. Возможно, у нее была запланирована еще одна встреча с другим мужчиной. Меня это не волновало, я не испытывал никакой ревности.

— До следующего раза, Данте, — сказала она у лифта не оборачиваясь.

Я молча кивнул и лифт увез Софию вниз. Физическое напряжение ушло, но ментальное вернулось снова, заняв свое законное место.

Данте. Иди на ...

Две недели назад я отправил восемь предложений молодым компаниям о поглощении и получил семь положительных ответов. Никто не хотел тягаться с *Садонис Тек*. Они все прекрасно знали, что в случае отказа, я раздавлю их как назойливых букашек. Сегодня в шесть утра пришло последнее письмо.

Я так долго всматривался в ответ, что у меня начал дергаться глаз. Перед моими глазами проплывали нули и единицы. Для большинства людей это были обычные два числа. Но я видел, как элегантно меня послали, упаковав свое презрение в безупречный бинарный код. Сам факт того, что кто-то потрудился зашифровать оскорбление, а не просто написать его прямым текстом, задел сильнее самих слов.

Эверли мать ее Рид. Наследница империи *Рид Энерджи* и основательниц *Рид Эко*. *Ледяная королева Уолл-Стрит*. Папка с ее полным досье давно лежала у меня в столе. Между отчетом о кибербезопасности за первый квартал и справкой о психическом здоровье моего европейского конкурента. Дочь короля американских бензоколонок, который до сих пор думает, что нефть качают из земли его рабы.

Мое предложение ей было более чем щедрым и в три раза превышало текущую оценку ее молодого стартапа. Я предлагал ей полную свободу в рамках холдинга и место в совете директоров. Это был бы союз равных, редкая роскошь, которую я до этого никому не предлагал. Я видел потенциал в Эверли. И в компании ее отца, которая владела большинством нефтяных вышек в Соединенных Штатах.

Судя по журналу *Forbes*, Эверли Рид была вундеркиндом. Она обладала острым и ненасытным умом, блестящим чутьем, харизмой и невероятным телом. Но она отказала. Отказала с такой элегантностью, которая была оскорбительней любого хамства.

1000111 1101111 100000 1100110 1110101 1100011 1101011 100000 1111001 1101111
1110101 1110010 1110011 1100101 1101100 1100110

Иди на хер

Отказ оказался меньшей проблемой. Способ, которым он был доставлен, напряг меня еще сильнее. Это был не официальный канал. Личное письмо пришло на мою закрытую почту. Она не просто отклонила сделку. Эверли продемонстрировала, что может достать меня в моей же цифровой крепости. Три независимых контура защиты, серверы, разбросанные по трем юрисдикциям, ни одного пароля короче тридцати двух символов. И тут она входит через парадную дверь.

Я откинулся в кресле и улыбнулся, позволяя гневу отстояться в крови. Эмоции уступали холодному расчету. Эверли считала себя неуязвимой. Ее компания, хоть и успешная, был всего-лишь песчинкой на берегу моего океана. Ее уверенность питает ее иллюзии. Иллюзию свободы и честной игры на моем поле боя. Наказать ее теперь было делом принципа. Разобрать ее гордыню по винтикам.

Я нашел нужную папку на рабочем столе. На экране появилось лицо Эверли Рид с официальных фото. Ее фотографировали в прошлом году для журнала *Космополитан*. Она стояла в строгом костюме посреди своего офиса. Длинные темные волосы были заплетены в тугую косу. Серые глаза смотрели прямо в камеру, а точнее прямо мне в душу. Пухлые красные губы изогнуты в улыбке и контрастировали с ее бледной кожей. Я задержался на нем на секунду дольше, чем следовало бы для человека, который собирался это лицо уничтожить. Чертова Белоснежка.

Она получила диплом Массачусетского университета, который окончила с отличием и написала диссертацию по кибербезопасности. Далее шел список закрытых судебных исков про-

тив бывших партнеров и ее психологический портрет. Высокий интеллект, низкая эмпатия, патологическая потребность в контроле.

Я что, читаю про себя?

Нулевая активность в соцсетях и никаких публичных любовных связей. Я открыл лог от ее лечащего врача и тщательно изучил заключение ее чек-апа. Отличное физическое состояние, плюс пометка от гинеколога об удовлетворительной фертильности и назначение противозачаточных таблеток.

Боже. Мысль о том, что я могу кончить в нее, вызвала моментальную эрекцию.

В следующем файле был список увлечений и достижений мисс Рид. Коллекционирование редких артефактов из Персии эпохи Дария III, кубок университета по фехтованию, игра на скрипке в детстве. Среди последних покупок оказалась просторная квартира в Трайбека за 45 миллионов долларов, оформленная на карибский офшор, и автомобиль *Aston Martin Valkyrie* цвета ледяной графит.

Я взял телефон и набрал Малькольма.

— Мне нужен полный аудит компании *Рид Эко*, — сказал я, не отрывая взгляда от письма на экране. — Кадровый, финансовый и технологический. Полный пакет. Я хочу знать все.

— Какие сроки?

— Сорок восемь часов.

— Уже начали, — я услышал быстрый стук пальцев по клавиатуре. — На поверхности лежит их сделка с Кроносом. Какие-то мелкие дилетанты, которые занимаются протоколами распределенного хранения. Кто-то влил в них кучу денег полгода назад.

— Похоже на примитивное отмывание денег.

— Так точно. Копну глубже и дам знать. Отбой.

К вечеру у меня было полное досье на Кронос, на который так слепо надеялась Эверли. Источником их финансирования оказалась какая-то скам криптобиржа, обманувшая кучу людей на миллионы долларов. Все, что надо было сделать это вывалить в сеть эту информацию, найти пару экспертов, которые выступят в соцсетях и выразят свою озабоченность, а затем сидеть и наслаждаться шоу.

Как только я дам распоряжение, запустится первая волна цунами, связанная с Кроносом и Криптовулканом. К восьми утра акции *Рид Эко* упадут минимум на шестьдесят процентов. Это будет черная дыра, в которую засосет репутацию Эверли.

Во мне разгорался огонь, которого я давно уже не чувствовал. Я кинул взгляд на журнал, с обложки которого на меня смотрели серые глаза Эверли Рид. Скоро королева встанет перед мной на колени. Но пожалуй перед этим, я готов дать ей еще один шанс.

Эверли. Бархат

Надеть бархатное платье стало моей фатальной ошибкой. Во-первых, оно мне было слегка маловато в груди. А во-вторых из-за этого моя грудь приковывала больше внимания, чем обычно.

Платье цвета зимней ночи явно было скроено человеком, который никогда не носил бархатные платья, не ел при этом канapé с черной икрой и не дышал полной грудью. Каждый шаг по паркету бального зала «Гала Плаза» отзывался в бедрах сопротивлением ткани. Ни присесть толком, ни развернуться. Мой стилист клялась, что этот силуэт подчеркнет мои достоинства и скроет недостатки. Но если я съем еще один вкуснейший ролл с тунцом, мои недостатки прорвут ткань на животе и вывалятся наружу. Последние два часа я мечтала только об одном: содрать с себя все это к чертям и погрузиться по подбородок в горячую воду с солью, которую я привезла из последней поездки в Таиланд.

Зал светился от тысячи маленьких капель. Хрусталь на люстрах ловил свет и рассыпал его по потолку и полу красивой цветной мозаикой. Организатором благотворительного вечера был фонд «Свет для будущего», который якобы финансировал возобновляемую энергетику для отдаленных регионов мира, а на деле в основном финансировал банкеты с лобстерами и вот такими люстрами, и собирал щедрые пожертвования меценатов. Живой оркестр тихо играл легкий джаз, чтобы не мешать ста двадцати парам вести светские беседы ни о чем. Официанты скользили между гостями с подносами с шампанским и закусками.

Я обвела зал взглядом, привычно раскладывая присутствующих по ментальным папкам. Слева толпились разодетые в смокинги нефтяники, давнишние друзья отца. Они стояли плотной группой, как стадо умирающих динозавров, чующих несущийся на их головы метеорит заката невятной энергетики. Они жервовали самые большие деньги, отмаливая свои грехи перед экологией, и скупали самые безобразные картины вечера.

Справа столпились молодые техно-миллиардеры, пытающиеся выглядеть непринужденно среди этой вычурной роскоши. В жизни они предпочитали минимализм, и по их лицам было видно, что их слегка подташнивает от вида пыльных гобеленов.

В центре, у гигантской ледяной скульптуры в форме земного шара стояли политики, которые в основном ели и пили, особо не принимая участия в благотворительности.

— Эверли, дорогая, — раздался знакомый скрипучий баритон у меня за левым плечом, и я мысленно досчитала до трех, натягивая идеальную улыбку.

— Сенатор. Рада вас видеть, — соврала я.

Сенатор-демократ от штата Невада как обычно выглядел самодовольно и старомодно, раз за разом выбирая винтажный костюм из твида вместо черного смокинга, как того требовал дресс-код. Его лицо приобрело пунцовый оттенок от выпитого шампанского. Он попытался приблизиться ко мне для дружеских объятий, но я быстро среагировала и сунула ему под нос руку для мерзкого влажного поцелуя.

— Могу поздравить вас и вашу молодую жену с рождением еще одной дочки, — сказала я, хотя в душе мне хотелось плюнуть ему в рожу, потому что он менял жен, сразу после того, как они рожали ему ненависных девочек. Этот жирный ублюдок до одурения хотел наследника.

— Спасибо, дорогая. Малышка Сэнди просто прелесть. Я отправил их с женой на Коста-Рику, чтобы они восстановились.

Ну-ну. Там видимо они и останутся, пока ты будешь искать новую матку.

— Ваш отец недавно интересовался, приедете ли вы на охоту в Джорджию в этом сезоне. Просил передать привет, если увижу вас здесь, — он наклонился чуть ближе, обдав меня смесью вина и кислого парфюма. — И, конечно, пожелать удачи с вашими... — он сделал паузу, его глаза опустились в мое декольте и меня чуть не стошнило, — технологиями будущего.

В этой паузе было все, что мне нужно было знать о его истинном отношении к *Рид Эко*. Для таких, как сенатор, «технологии будущего» — это симпатичное словосочетание для брошюр, а не то, во что стоит вкладывать реальные деньги. Я улыбнулась чуть шире, ровно настолько, чтобы улыбка не превратилась в оскал.

— Передайте отцу, что я подумаю. И спасибо за пожелание, сенатор. Уверена, через пять лет, когда ветряные фермы моей компании будут снабжать электричеством треть штата, вы вспомните свои слова с особой теплотой.

Сенатор издал нервный смешок, но прежде чем он успел выдать достойный ответ, его внимание переключилось на кого-то за моей спиной, вероятно, более перспективную добычу для светской болтовни. Он быстро попрощался и ушел, оставив после себя только чувство, будто мне нужно принять душ.

Еще три часа, подумала я, украдкой поглядывая на часы над мраморным камином. В половину десятого я наконец свалю отсюда домой, где меня ждет ванна и тишина.

Но тут мой взгляд впился в человека, которого я не ожидала сейчас увидеть.

Эллиот Пирс стоял у одной из колонн, зажав в руке бокал шампанского. Он обернулся раз, другой, третий. Движения его головы были быстрые и дерганные, будто он напуган до усрачки. Галстук-бабочка криво завязан на шее, и он то и дело поправлял его пальцами, которые заметно подрагивали.

Эллиот был одним из моих лучших разработчиков. Он писал код для системы предиктивного управления ветряными турбинами, который позволил бы фермам быстро подстраиваться под микроизменения ветра. Блестящий программист и совершенно, катастрофически скользкий человек. В конце концов, гениальность редко идет в комплекте с порядочностью, и я давно перестала требовать от него оба качества одновременно. Оставался один вопрос. Что он делает на мероприятии, на которое рассылают персональные приглашения. А я знала на все сто, что я ему приглашение не присылала.

Я подошла к нему, аккуратно лавируя между гостями насколько вообще можно лавировать в платье, которое ощущалось как смирительная рубашка для нижней половины тела.

— Эллиот, — сказала я, останавливаясь рядом с ним. — Не знала, что ты здесь будешь.

Он вздрогнул так резко, что бокал в его руке качнулся, и капля шампанского шлепнулась на деревянный пол.

— Мисс Рид! Я... э-э-э, добрый вечер, — он снова попытался поправить бабочку, но сделал ее еще более кривой. — Да, я тут. Ну, то есть, я здесь. Присутствую.

— Я вижу, что ты здесь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал мягче, не выдавая мои подозрения, хотя внутри у меня ситуация уже начала складываться в неприятную картину. — Кто тебя пригласил?

Вопрос был простым. Я не была из тех руководителей, что устраивают допрос сотруднику за то, что тот оказался на светском мероприятии без моего ведома. Бог свидетель, у половины моей команды были связи и знакомства, о которых я даже не подозревала. Но Эллиот отреагировал так, будто я направила ему в лицо луч прожектора и потребовала признания в убийстве.

— Я... это... — он открыл рот, закрыл его, снова открыл. Пот выступил на его затылке. — Видите ли, тут вообще интересная история, я как раз собирался...

— Он здесь по моему приглашению, — сказал низкий, ровный голос.

Данте Садонис стоял у меня за спиной так близко, что я чувствовала запах его одеколона. Древесный и холодный, кедр и что-то похожее на дорогой, только что зажженный табак. Черный смокинг сидел на нем идеально, подчеркивая подтянутое тело. Светлые волосы уложены чуть небрежно, будто в противовес идеальности всего остального в нем. Он смотрел на меня с легкой улыбкой. Его длинные пальцы держали хрустальный стакан с янтарным дорогим виски.

— Прошу прощения? — я элегантно развернулась к нему всем корпусом, насколько позволяло платье. Ткань издала звук, подозрительно похожий на треск шва где-то в районе бедра. Но я предпочла не терять лицо и не обращать на это внимания.

— Эллиот теперь работает на меня, — сказал Данте, делая глоток алкоголя, продолжая изучать меня и мое проклятое декольте. — Мой новый ведущий разработчик по системам аналитики. Как оказалось, у него весьма ценный опыт в... — он выдержал паузу, будто специально смакуя следующее слово, — зеленой энергетике.

Эллиот кашлянул и всхлипнул одновременно, и уставился в пол.

— Мисс Рид, я... я хотел сказать вам лично, я просто не успел найти момент, все произошло так быстро, предложение было... то есть, я не планировал ничего такого, но...

— Сколько? — спросила я, не отрывая взгляда от Данте.

— Что сколько? — теперь настала его очередь изображать невинность, хотя в его глазах плясало нечто настолько близкое к веселью, что мне захотелось выплеснуть свое шампанское ему в лицо.

— Сколько ты ему предложил, — я отчеканила каждое слово. — Чтобы он ушел из компании, которую мы строили три года, и продал тебе архитектуру системы, над которой мы работали два из этих трех лет.

— Втрое больше, чем платишь ты, — ответил Данте. — Плюс бонус за быстрое подписание контракта. Плюс полное медицинское страхование, включая стоматологию. Маленькая деталь, я слышал, у вас с этим бывают перебои при масштабировании стартапа. Я все понимаю. Не все могут позволить себе быть щедрыми одновременно во всех направлениях.

— Ты переманил моего сотрудника, — прошипела я. Эллиот издал звук, похожий на предсмертный стон антилопы. — И сообщаяшь мне об этом сейчас? На благотворительном вечере?

— Технически я переманил его на прошлой неделе, — заметил Данте. — Сегодня я просто решил представить тебе своего нового сотрудника. Я мог бы дожидаться утра понедельника и позволить тебе узнать эту новость служебной записки об увольнении. Вместо этого ты узнаешь сейчас, лично.

— Ты невыносимый, самовлюбленный кусок дерьма. И даже твой шерстяной костюм за пятнадцать тысяч долларов не скроет этого, — сказала я сквозь зубы, сохраняя на лице светскую улыбку, которую полагалось демонстрировать на подобных мероприятиях, независимо от того, что произносил рот. Многолетняя выучка отцовского дома — улыбайся, даже когда хочешь кого-то убить.

Что-то дрогнуло в углу его губ. Он сделал шаг ко мне навстречу, катастрофически сокращая дистанцию.

— Кашемир с шелком, если быть точным. И не пятнадцать, а двадцать две, — поправил он меня с абсолютно серьезным лицом. — Но я ценю, что ты обратила внимание на детали. Это говорит о твоём внимании ко мне куда большем, чем тебе, возможно, хотелось бы признать.

Эллиот, воспользовавшись тем, что на него временно перестали смотреть, начал отступать в сторону бара, бормоча что-то про «освежить напиток». Разбираться с ним предстояло позже, в понедельник, когда бархат не будет впиваться мне в ребра и когда я не буду вынуждена делать это на глазах у гостей, которые, вероятно, уже наблюдают за нашим скандалом.

— Раз уж мы все равно болтаем, — произнес Данте, придвигаясь на полшага ближе, и я уловила, как меняется температура воздуха между нами, — Я хотел бы повторить свое предложение лично. Условия остаются в силе. Даже готов пересмотреть их в твою пользу, учитывая... — он окинул взглядом зал и шепнул мне на ухо, — сегодняшние обстоятельства. Мы могли бы завтра полететь в Париж и отметить ... слияние наших ...

Его теплое дыхание коснулось моей кожи и по телу побежали мурашки.

— Нет, — отрезала я.

— Ты даже не дослушала меня.

— Мне не нужны тирады, чтобы сказать «нет» человеку, который пять минут назад переманил моего сотрудника у меня на глазах и теперь считает это подходящим прологом для делового предложения.

— Тогда почему? — спросил он с неприкрытым любопытством. — Сделка щедрая. У тебя будет автономия, место в совете, капитал для масштабирования, который тебе неоткуда взять, сколько бы ветряных турбин ты ни построила. Я предлагаю тебе ресурсы, Эверли. А ты кусаешь руку, которая протягивает тебе еду.

— Ты сравнил меня с собакой?!

— Я бы уточнил. Я сравнил тебя с сукой.

Мои глаза расширились. Едва сдерживаемая ярость разливалась по телу. Долгие годы я не испытывала этого чувства, потому что проработала его со своим психологом. Но сейчас, даже самые мощные успокоительные не смогли бы погасить мой пожар. Я сдала глубокий вдох. Лучшая защита, это нападение.

— Потому что я видела, с кем ты разговаривал сорок минут назад, Садонис, — сказала я, сделав шаг к нему. — Как ты улыбался и пожимал руку генералу Томпсону.

Спокойное выражение Данте растворилось и он тяжело сглотнул.

— Министр обороны интересуется многими технологиями, — сказал он спокойно. — Это не преступление.

— Он интересуется LinkV, — сказала я. — Твоим нейрочипом, который ты преподносишь как чудо. Революция для людей с речевыми нарушениями, инсультом или аутизмом. Очень трогательно и фотогенично для обложки Форбс.

— Это правда, — сказал Данте, и впервые за вечер в его голосе прозвучало что-то похожее на настоящую защиту. — Моя технология работает и она изменит жизни миллиона людей к лучшему.

— Не сомневаюсь, что какая-то часть чипов будет использована именно так, — прошептала я. — Достаточная часть, чтобы никто не задавал неудобных вопросов о том, зачем министерству обороны нужна технология, способная считывать невысказанные мысли и передавать их напрямую в чужой мозг. Ты правда думаешь, что я не понимаю, во что превратится твой прекрасный чип в руках людей, чья единственная забота — это допросы без необходимости, пытки и слежка? Не нужно жучков и физического принуждения, если можно прочитать нужный ответ прямо из головы.

— Ты драматизируешь, — отмахнулся Данте, но что-то в его тоне утратило прежнюю уверенность.

— Я анализирую ситуацию, — поправила я. — Это моя работа. И я не собираюсь связывать имя Рид Эко с компанией, чья главная разработка через пять лет с равной вероятностью может оказаться либо в реабилитационном центре для парализованных ветеранов, либо в допросной комнате где-нибудь в Гуантанамо. Так что нет, Данте. Ни сегодня, ни через год, ни на каких условиях. Найди себе другую дурочку.

Повисла пауза. Оркестр продолжал играть не обращая внимания на нашу маленькую холодную войну посреди бального зала. Данте смотрел на меня с выражением, которое я сразу сумела расшифровать. Что-то среднее между раздражением человека, привыкшего получать желаемое, и странным, почти голодным интересом, будто он только что обнаружил, что шахматная доска внезапно обзавелась фигурой, чьи правила движения он не может предсказать.

— Ты правда думаешь, что я стал бы участвовать в чем-то подобном, — произнес он тихо, наклонившись, так что я снова уловила его приятный аромат.

— Ой, только не надо изображать оскорбленную невинность. Ты очень хорош в том, чтобы делать плохие вещи так, чтобы они выглядели привлекательно, — ответила я так же тихо.

Что-то похожее на смех сорвалось с его губ. Данте покачал головой, будто я только что сказала что-то одновременно возмутительное и восхитительное.

— Знаешь, ты первая за долгое время, кто говорит мне это в лицо, а не за спиной, — сказал он. — Обычно люди боятся меня достаточно сильно, чтобы молчать.

— Я не боюсь тебя, — сказала я. — Это, наверное, единственное преимущество, которое у меня есть перед всеми остальными в этом зале.

Взгляд Данте на секунду задержался на моих губах и что-то теплое и совершенно неуместное шевельнулось у меня где-то под ребрами. Спишем это на недостаток кислорода из-за тугого платья. Другого разумного объяснения быть не могло.

— Жаль, — сказал он тихо. — Было бы куда проще, если бы ты боялась.

— Проще для кого?

— Для меня.

— Что ж, — отступая на полшага назад, я снова вернула на лицо светскую улыбку, за которой можно было спрятать что угодно, — Придется тебе справляться со сложностями самостоятельно.

Я развернулась, давая бархату треснуть еще на сантиметр. Я сделала несколько шагов, прежде чем остановиться и оглянуться через плечо.

— Да, кстати, — бросила я. — Поздравляю с новым сотрудником. Эллиот действительно талантлив, тут ты не ошибся.

Данте склонил голову, явно ожидая порции яда напоследок, который он, судя по всему, уже предвкушал с тем же голодным интересом, с каким минуту назад смотрел на мои губы.

— Только на твоём месте я бы проверяла канцелярию раз в неделю, — добавила я невозмутимо. — У него слабость к хорошим карандашам. Особенно к тем, что дороже пяти долларов за штуку. За три года мы недосчитались подозрительно много Бламонт из офисного шкафа. Возможно, для тебя это не станет большой проблемой. А возможно, станет любопытным испытанием для человека, который так гордится тем, что видит всех насквозь.

И, не дожидаясь ответа, я развернулась и направилась прочь, чувствуя спиной его взгляд. Каблуки цокали по полу увереннее, чем я себя чувствовала на самом деле. Бархат ломал ребра, а где-то в области солнечного сплетения продолжало гореть неуместное тепло, которое я упрямо продолжала списывать на духоту.

Ванна теперь казалась еще более далекой мечтой, чем час назад. Я почти дошла до дверей на улицу, когда позволила себе признаться в том, что тревожило меня очень сильно. То, как мое тело реагировало на Данте Садониса. Как вспотели ладони, когда он приблизился. И как забилося сердце, когда он пялился на меня. Но я решила подумать об этом позже. Когда голова перестанет быть настолько предательски занятой мыслями о том, как я возбудилась от его голоса, когда он произнес слово «сука».

Данте. Наслаждайся вином

После вчерашней стычки с Рид, я впал в странное, несвойственное мне уныние. Эта женщина оставила внутри меня рану, которая монотонно болела всю ночь. Впервые за пять лет на меня напала бессонница, с которой не смогла справиться ни одна медитация. Я перепробовал все — дыхательные техники, теплую ванну, даже старый трюк отца с подсчетом убытков конкурентов.

Ничего не сработало.

В голове крутилась одни и те же серые глаза. Утром я встал разбитый и злой, потому что мой идеальный мир дал трещину. Мне срочно нужно было отвлечься. И винный аукцион в Париже должен был стать моей волшебной пилюлей от хандры. Сегодня Париж распахнет свои прекрасные ноги для меня.

Мой Falcon 8X выруливал на посадочную полосу в аэропорту Ле Бурже. Я смотрел на расплывающиеся огни города, и мои губы растянулись в ухмылке. Мне нравится, когда стихия бушует снаружи, но бессильна против алюминиевого корпуса и миллионов долларов инженерной мысли.

Три двигателя за хвостом делали его почти бесшумным на взлете. Внутри все было сделано по моему проекту. Графитовая обшивка салона, с едва уловимым медным отливом в стыках панелей. Управление светом, температурой, затемнением иллюминаторов происходило через сенсорные панели, вмонтированные в подлокотники.

Кабину я поделил на две зоны — рабочую, где четыре монитора выныривали из столешницы орехового дерева, и приватную, отгороженную дымчатым стеклом. Никаких логотипов или инициалов, вышитых золотом, как любят другие. Единственное, что я себе позволил, это крошечная латунная табличка у двери кабины с выгравированной датой покупки.

Я купил этот самолет несколько лет назад. Сегодня куплю самое дорогое вино в мире.

— Пять минут до посадки, мистер Садонис, — сообщил пилот через интерком.

— У тебя есть расписание на сегодня? — спросил я Малькольма, не отрывая взгляда от окна.

— В 20:15 — выход через терминал для частных джетов «Ле Бурже». Нас уже ждет машина с водителем. Путь до отеля займет двадцать три минуты с учетом погоды. В 20:38 ты будешь на месте. Аукцион начался в 20:00. Тебя интересует лот пятнадцать, и торги по нему начнутся примерно в 21:15.

Я перелетел океан за одной единственной бутылкой Domaine de la Romanée-Conti 1945 года. В этот год мой дед, Андреас Садонис, беженец греческого происхождения, заложил первый камень в фундамент семейной империи. Теперь его внук летел на частном реактивном самолете, чтобы купить за полмиллиона евро бутылку вина, в которой, по слухам, заперт сам Бог. Или, на худой конец, его слезы.

Я несколько месяцев грезил о том, как поставлю ее в свой кабинет на Манхэттене за пуленепробиваемым стеклом и буду тыкать им в нос каждому, кто заговорит со мной об отсутствии у меня тонкого вкуса.

Точно по расписанию черный Бэнтли Мульсан доставил нас с Малькольмом к позолоченным воротам отеля «Крийон». Швейцар в мокром от дождя фирменном пальто бросился открывать дверь. Я поправил манжет белоснежной рубашки, поверх которой был накинут черный кашемировый пиджак, и пересек несколько метров под ледяным парижским ливнем, ощущая бодрящие капли на лице.

Распорядитель аукциона, симпатичная блондинка с шикарным задом, мило улыбнулась мне и проводила на мое место. Я сел в кресло и медленно окинул взглядом людей вокруг себя. В соседнем ряду сидел знакомый японец, чья технологическая компания в прошлом квартале

потеряла два миллиарда из-за утечки данных, которую, конечно же, мог предотвратить отдел кибербезопасности Садонис Тех. Слева от японца сидела жена русского олигарха, обвешанная золотом по цене небольшого дома в Испании, и постоянно проверяла телефон. В светской тусовке знали, что ее молодой любовник, бывший солист балета, крутит шашни с фотомodelью в Ницце.

В силу своего характера я знал размер их счетов, сумму долгов, их слабости и страхи. В моем мире информация это валюта, а я мог бы стать самым надежным банком данных в мире. Иногда, я чувствовал себя зрителем зоопарка, который знает, на какую кнопку нажать, чтобы животное завывало от боли или завалило хвостом.

— Лот двенадцатый, «Шато Марго 1928», продан за триста двадцать тысяч евро, — приятный голос аукциониста разносился по залу. — Переходим к лоту тринадцатый. «Вев Клико» 1914, «вино для победителей», разлитое до Второй Мировой войны. Начальная ставка — триста тысяч.

Пару раз я поднял руку, чтобы поддержать иллюзию активного участия. Но мои мысли были уже на лоте номер пятнадцать. Я уже представлял, как молоток опустится, как зал вздохнет от восхищения, а Малкольм завершит все формальности.

Наконец, в зал внесли мое вино. Свет над подиумом приглушили на полтона.

— Лот пятнадцатый. *Domaine de la Romanée-Conti* 1945 года. Единственная бутылка, подтвержденная экспертизой семьи Ошар. Начальная ставка — четыреста пятьдесят тысяч евро.

Я поднял руку, не сводя взгляда с бутылки.

— Пятьсот от месье Садониса. Есть пятьсот двадцать?

— Пятьсот двадцать, — раздался голос японца справа. Моя кровь забурлила от прилива адреналина.

— Пятьсот сорок.

— Пятьсот восемьдесят.

— Шестьсот.

Японец сдался, признавая поражение почтительным наклоном головы. Я почувствовал легкое раздражение от быстрой победы.

— Шестьсот тысяч евро. Раз... — начал аукционист. — Шестьсот тысяч евро. Два...

Уголок моих губ дрогнул. Еще пара секунд и пьянящий кусок истории станет украшением моего эго.

— Шестьсот пятьдесят, — раздался женский голос.

Что за сука, подумал я, выпрямляясь в кресле. Я повернул голову, пытаясь найти свою конкурентку в темноте. Свет поймал тонкий браслет от Ван Клифф на запястье.

Эверли сидела через три ряда от меня. Ее волосы были собраны в тугий пучок, открывая изящную линию шеи. Платье цвета моей выпитой крови безупречно сидело на ней, открывая острые плечи и тонкие позвонки. Словно почувствовав мой взгляд, она повернулась ко мне. Мое сердце пропустило один удар. На меня смотрели серые, как пепел после пожара, глаза.

Малькольм бросил на меня недоумевающий взгляд. Я поднял руку.

— Шестьсот восемьдесят тысяч от мистера Садониса!

Эверли чуть наклонила голову к сидящему рядом пожилому мужчине и что-то шепнула ему на ухо. Видимо, это адвокат или ее раб. Рука поднялась снова. Но на этот раз, она сложила пальцы в виде пистолета.

Эта тварь что, стреляет в меня из долбаного пальца?

— Семьсот тысяч от мадемуазель Рид, — сказал аукционист, и в его голосе прозвучала истерическая нотка. Эта цена была примерно в три раза больше реальной стоимости этой чертовой бутылки.

В зале кто-то свистнул. Эверли снова обернулась ко мне, но на этот раз ее глаза блестели от неподдельного веселья. *Посмотри, щенок, на тебя нашелся более крупный хищник.*

Первая, горячая и мгновенная волна злости ударила мне в виски. Она публично играла со мной, превращая мой аукцион в цирк. Мою принципиальную покупку — в поле для демонстрации своего превосходства. Мои пальцы впились в бархат подлокотников.

Я мог продолжить торг и поднять до миллиона, до двух. Мое финансовое превосходство было неоспоримо. Но это была бы тотальная глупость и она это знала. Эверли заманивала меня в ловушку тщеславия, уверенная, что я с радостью в нее прыгну.

Я заставил себя выдохнуть. Заставил разум, обычно ясный и холодный, прорезать пелену гнева.

Я встал. Стул отъехал с глухим скрипом по паркету. Все взгляды прилипли ко мне, но я видел только ее. Я старался идти спокойно, чтобы не выдать истинное положение дел. Каждый шаг по узкому проходу между рядами отдавался в висках стуком собственного пульса.

— Месье Садонис? — запищал аукционист.

Я проигнорировал его, остановившись перед креслом Рид. Она откинулась на спинку и нагло смотрела на меня снизу вверх. С высоты моего почти двухметрового роста я видел безупречный разрез ее платья и тень между аппетитными грудями идеальной формы.

— Эверли, кажется, ты ошиблась залом. Аукцион кукол Барби проходит в соседнем отеле.

Уголок ее пухлых губ дрогнул, превращаясь в презрительную гримасу.

— Данте, — ее голос чистый и до жути сексуальный. — Я именно там, где надо. Решила начать коллекционировать что-нибудь необычное. И твое разочарование будет самым ценным экземпляром в моей коллекции.

Она повернулась к аукционисту и кивнула. Тот, опомнившись, застучал молотком.

— Продано за семьсот тысяч евро мадемуазель Эверли Рид!

Зал взорвался аплодисментами.

Эверли медленно поднялась со стула. Ее макушка при наличии убийственно высоких каблучков едва достигала моего подбородка. Мы стояли так близко, что я чувствовал запах зимы, будто она только что вышла из морозильной камеры. Ни цветочных нот, ни ванили, ни привычной парфюмерной сладости, которой злоупотребляли статусные женщины.

— Наслаждайся полетом домой, — сказала она, и в ее глазах мелькнуло веселье. — Надеюсь, вино на борту самолета тебя не разочарует.

Она обошла меня, нарочно толкнув плечом, и направилась к выходу. Я уставился на ее уязвимую шею. У меня чесались руки, чтобы переломить ее одним щелчком это произведение искусства и стереть бесячее спокойствие с ее лица.

— Перенеси мои встречи на завтра. Мы остаемся в Париже, — сказал я Малькольму, возвратившись на свое место.

Внутри все полыхало. Я должен был ехать в клуб и трахать девок в ближайшие десять часов. Раньше это работало безотказно — быстрый способ выгнать из тела лишнее электричество. Сегодня сама мысль об этом вызывала у меня почти физическую тошноту, что само по себе было тревожным симптомом, куда более тревожным, чем бессонница.

Эверли увела *мое* вино у меня из-под носа. Она была первым человеком за последнее десятилетие, кто заставил меня почувствовать себя простым разъяренным мужиком. Откинувшись на стул, я закрыл глаза.

Коллекционируешь трофеи, Рид? подумал я, сжимая кулаки так, что хрустнули кости. Я тоже. И твое ледяное, высокомерное сердце будет висеть в моей спальне, прибитое гвоздем. Я выну его из тебя сам, голыми руками.

Эверли. Хочешь вплавь?

Мне начинали нравиться аукционы. Эйфория, которую я почувствовала, когда ударил молоток и произнесли мое имя, можно было сравнить с хорошим оргазмом. А видеть злые глаза Данте оказалось приятной вишенкой на торте.

После окончания аукциона, нас с Виктором отвели в отдельную комнату, чтобы завершить формальности. Виктор — импозантный старик, очень похожий на Майкла Кейна, занимался финансами отца больше тридцати лет. Я владела частью финансов, лежащих на счетах отца, но для одобрения сделок свыше полумиллиона долларов, мне нужна была подпись бухгалтера.

Последний час Виктор находился в предобморочном состоянии, так как даже представить не мог, что я вытащила его из дома из-за бутылки вина.

— Мисс Рид, — начал он уже в третий раз за последние пять минут, промакивая лоб платком. — При всем уважении, но как черт возьми я объясню вашему отцу статью расходов на семьсот тысяч евро под кодом «личное имущество»?

— Вино дорожает быстрее некоторых акций на бирже, — сказал я, разглядывая свой бокал шампанского. — Через десять лет этот кусок стекла будет стоить миллион.

Виктор посмотрел на меня поверх очков как на непослушного, но любимого ребенка. Он знал меня с пеленок и поэтому, наверно, имел право на легкое недовольство моим поведением.

— Ваш отец спросит, зачем вам понадобилось вино стоимостью дома в Хэмптоне.

Я поморщилась. Гордон Рид не был человеком, который понимал импульсивные траты. Если речь не шла о его собственных яхтах, самолетах или охотничьих ружьях. Дочь, потратившая семьсот тысяч на бутылку старого вина только потому, что ей нестерпимо захотелось увидеть выражение лица одного конкретного мужчины, явно не вписывалась в образ финансово грамотной наследницы и вменяемого человека.

Я решила действовать быстро, пока совесть не успела меня остановить.

— Виктор, — сказала я, ставя бокал на столик и беря старика за морщинистую руку. — Это подарок для отца.

Он моргнул.

— Простите?

— В последнее время мы с ним немного отдалились, — я продолжила врать, стараясь звучать искренне. — Я злилась на него. Его не было рядом, когда болела мама. Я не видела его полгода, когда компания была на грани банкротства. Наши постоянные споры о бизнесе, его неприятие того, чем я хочу заниматься. Но сейчас я понимаю, что все это он делал ради семьи. Ради меня. И теперь я хочу сделать что-то по-настоящему значимое, в знак благодарности.

Лицо Виктора начало медленно меняться — от недовольства к чему-то более сложному, похожему на одобрение. Я почувствовала легкий укол совести где-то под ребрами. Не настолько сильный, чтобы остановить меня, но достаточный, чтобы напомнить: я определенно унаследовала от отца больше, чем хотела бы признавать.

— Мисс Рид, это так трогательно.

— Я знаю. Отец будет доволен.

Виктор посмотрел на бутылку, лежавшую на специальной подушке.

Мне будет стыдно за это ровно до того момента, как я открою бутылку в одиночестве в номере отеля, подумала я, наблюдая, как молодой парень раскладывает на столе документы. Я не отказалась бы распить это вино и провести ночь с этим мужчиной с безупречно уложенными волосами и пронизательными глазами.

— Мадемуазель Рид, поздравляю с приобретением, — произнес он с легким акцентом, протягивая мне тяжелую перьевую ручку. — Уникальный экземпляр. Позвольте заметить,

редко видишь такую решительность на торгах у клиентов, которые обычно предпочитают более импульсивные лоты.

— Вы имеете в виду всех женщин, — усмехнулась я. Подписав документ, я передала ручку Виктору.

— Я имел в виду молодых клиентов, — исправился он, изящно лавируя между честностью и дипломатией. — Бутылка будет упакована в специальный герметичный кейс с климат-контролем и амортизацией. Температура внутри поддерживается автономно в течение сорока восьми часов без подзарядки. Мсье может быть абсолютно спокоен за сохранность вина в перелете.

Два ассистента в белых перчатках уложили *Domaine de la Romanée-Conti* в кейс, который может пережить падение самолета. Виктор подписал последние документы.

— Твой рейс через два часа, — сказала я, взглянув на часы. — Такси ждет внизу. Скажи отцу, что я задержусь в Париже на день. Хочу отдохнуть и пройтись по бутикам.

Когда дверь за Виктором закрылась, я осталась одна в комнате, допивая шампанское. Семьсот тысяч евро за бутылку. Я не разбиралась в винах, и уж тем более не была коллекционером. До сегодняшнего дня само слово «*Romanée-Conti*» ничего не значило для меня. Но выражение лица Данте Садониса в момент, когда молоток опустился в мою пользу, стоило каждого цента.

Отель, где я забронировала номер, стоял в самом центре города. Ранним утром я раздвинула тяжелые шторы, и Эйфелева башня открылась мне во всей своей ажурной красоте.

Я валялась в постели еще минут двадцать, разглядывая башню. Такую роскошь я не позволяла себе с тех пор как «Рид Эко» превратилась из амбициозной идеи в компанию с сотней сотрудников.

Раз уж я здесь, подумала я, потягиваясь под одеялом, и раз я уже потратила целое состояние на бутылку вина ради чистого принципа, почему бы не потратить остаток дня на что-то столь же бессмысленное и приятное.

Прогуливаясь по Парижу, я заходила почти во все магазины на пути. Я примерила платье с открытой спиной, строгий брючный костюм из шерсти мериноса, легкое летнее платье с принтом. Миксовала одежду с разных манекенов, создавая удобные и красивые образы для себя.

— Мадемуазель обладает редким вкусом, — заметила продавщица, аккуратно упаковывая покупки в фирменные коробки, перевязанные атласной лентой.

Зайдя в маленький ресторан, который мне посоветовал консьерж отеля, я села за столик у окна и заказала омлет с трюфелями и бокал совиньон блан.

К четырем часам дня, нагруженная пакетами, я вернулась в отель, чтобы собрать чемодан и отправиться в аэропорт. Рейс был в восемь вечера, и я рассчитывала прибыть в Шарль-де-Голль с запасом, чтобы избежать суеты. Я прошла в зал бизнес-класса, протянула паспорт девушке на стойке регистрации.

— Добрый вечер, мадемуазель Рид. Минуточку...

Ее пальцы застучали по клавиатуре. Улыбка на ее лице замерзла, затем исчезла, сменившись паникой.

— Прошу прощения, но ваш рейс отменен.

— Отменен? По какой причине?

— Технические неполадки на стороне авиакомпании, — она сверилась с экраном. — Мы можем предложить вам следующий доступный рейс... — пауза, стук по клавиатуре, — завтра утром. К сожалению, все места на сегодняшние и завтрашние рейсы до Нью-Йорка уже заняты. Похоже, сегодня какая-то системная проблема у нескольких перевозчиков одновременно — необычно высокий спрос именно на это направление.

— Необычно высокий спрос? В четверг вечером и не в сезон отпусков?

Девушка лишь виновато пожала плечами. Она была последним звеном в цепочке, к которому стоило предъявлять претензии.

— Проблемы с вылетом?

Данте появился из неоткуда и непринужденно облокотился на соседнюю стойку регистрации. Он крутил телефон, зажав его между пальцев, и улыбался от уха до уха. Это вызвало желание вырвать ему глотку.

Я окинула его быстрым взглядом. На нем были простые черные спортивные штаны и белая футболка, обтягивающая его плечи так, будто была сшита конкретно под эти мышцы. Волосы как обычно были небрежно взъерошены. Я чувствовала исходящий от него запах Creed Aventus.

— Какие неожиданные... трудности. Неужто у ледяной королевы проблемы с логистикой?

— Это твоих рук дело?

— Моих? — он наклонил голову. — Допустим, у меня есть друзья в IT-отделе. И допустим, их можно... мотивировать, чтобы они на пару дней запустили небольшой скрипт, автоматизирующий покупку всех доступных мест на определенных направлениях. Совершенно случайно эти направления совпали с твоими.

— Зачем? Чтобы досадить мне из-за сраной бутылки вина?

— Как грубо с твоей стороны предполагать, что я мщу тебе из-за вина, — сказал он с полуулыбкой, которая одновременно означала «ты абсолютно права» и «я никогда в жизни в этом не признаюсь». — Возможно, вселенная просто решила, что нам стоит провести больше времени вместе.

— Вселенная? Ты серьезно хочешь сказать, что это работа вселенной, а не твоих личных связей и денег.

— Я хотел привлечь твое внимание, — прошептал Данте и сделал шаг ко мне. Его взгляд упал на мои губы, потом медленно поднялся обратно к глазам. — Обычные правила с тобой не работают, Эверли. Ты доказала это, украв мой лот. Значит, нужны экстраординарные меры.

Он сделал паузу, давая мне прочувствовать всю глубину ловушки. Я стояла, зажата между его взглядом и стойкой регистрации.

— Но я не монстр, — продолжил он с фальшивым сочувствием. — Мой самолет стоит в Ля Бурже. Мы вылетаем через два часа. В салоне есть одно место. Я нагрел его специально для тебя.

— Я скорее переплыву через Атлантический океан.

— Я и не сомневаюсь, — он кивнул. — Только учти: ближайший свободный рейс — через 72 часа. Все номера в приличных отелях Парижа на эти даты тоже, странным образом, забронированы. Удачи тебе с поиском хостела, где ты будешь смотреться особенно иронично в своем костюме за пару тысяч.

Он выпрямился, будто собираясь уходить.

— Решай, Рид. Мой самолет или вплавь. Предложение действительно десять секунд.

Я сверлила его взглядом, желая впечисть ему пощечину прямо здесь, посреди зала регистрации, на глазах у полусотни свидетелей. Данте искусно захлопнул капкан. Единственным вариантов для меня, было сесть в частный самолет человека, который организовал транспортный коллапс исключительно ради того, чтобы провести со мной семь часов в закрытом пространстве на высоте десяти тысяч метров.

Я выдохнула, расправляя плечи.

— У меня есть условия, — отрезала я.

В глазах Данте вспыхнул неподдельный интерес.

— Если ты хоть словом обмолвишься об этом кому-либо, я найду способ сделать так, чтобы ты лишился своих яиц.

Уголок его рта дернулся.

— Еще что-то?

— Никаких «случайных» турбулентностей, из-за которых мне «придется» пристегнуться рядом с тобой. Прямой рейс и тишина.

— Договорились, — засмеялся Данте и нежной улыбнулся мне, разозлив меня больше. — Но постарайся не слишком радоваться полету, Рид. Не хочу, чтобы у тебя случился сердечный приступ от избытка положительных эмоций в моем присутствии.

— У меня скорее случится приступ от желания вышвырнуть тебя из иллюминатора, — ответила я.

Данте. Они настоящие

Мой самолет монотонно гудел, сжигая литры керосина Рид Энерджи. Двадцать два метра алюминия, углеродного волокна и передовых технологий. Я должен был улететь еще с утра, но пришлось поменять планы из-за моей новой сексапильной игрушки.

Эверли поднялась по трапу ровно через два часа, как и было договорено. Она отдала свой багаж стюардессе, взяв с собой только тонкий голубой iPad Air.

Не сказав ни слова, она прошла мимо меня в салон, не удостоив и взглядом. Я зашел внутрь, следуя за ней тенью. Стюардесса закрыла за мной дверь и передала пилоту, что все на борту. Теперь мы были заперты на десять часов полета на высоте двенадцать тысяч метров.

— Кофе? — спросил я.

— Нет, спасибо, — Эверли заняла место у окна напротив меня.

Я откинулся в кожаном кресле, и молча наблюдал за ней. Она сидела, уткнувшись в экран планшета. Свечение подсветки выхватывало из полумрака салона ее идеальный профиль. Она распустила свои волосы, и темная, тяжелая волна спадала на одно плечо, скрывая часть щеки. Эта деталь сводила меня с ума последние сорок минут.

Напряжение в салоне сгушалось, как грозовая туча. Воздух, который обычно был таким чистым, стал тяжелым, невыносимым для дыхания.

Я прошел к бару и налил нам виски.

— Выпей — я поставил бокал перед ней на стол.

Она посмотрела на золотистую жидкость, потом на меня.

— Это твой способ побороть страх замкнутых пространств?

— Это мой способ пережить этот полет с тобой, не разнеся салон в клочья, — честно сказал я, отхлебнув из своего стакана.

Она на секунду задумалась, потом взяла бокал.

— Спасибо, — сухо сказала она, сделав глоток.

— Не за что, — я снова сел. — Не хочешь раздеться, снять пиджак? Здесь плюс двадцать два градуса.

— Нет, — она отложила планшет. Ее пальцы, длинные и утонченные без единого украшения потянулись к сумке. Она вынула оттуда тонкую пачку черных сигарет «Собрание».

— В моем самолете не курят, — произнес я. — Это правило. Такое же, как и «не вступать в половые связи с бортпроводницами». Правила второе я периодически нарушаю.

Эверли подняла на меня серые, бездонные озера глаз. Она демонстративно щелкнула зажигалкой и затянулась.

— Твои правила меня не интересуют, Данте. Ты купил самолет. Я — владею контрольным пакетом акций компании, которая его обслуживает. Я изменяю правила, если захочу.

Она поднесла сигарету к губам, сделала глубокую, долгую затяжку. Затем, не отрывая от меня взгляда, выдохнула дым в пространство между нами. Серая завеса поплыла ко мне, неся с собой запах горького табака.

Адреналин ударил мне в кровь. Рид наблюдала за моей реакцией, ее губы изогнула наглая ухмылка.

Когда она собиралась сделать еще одну затяжку, я совершенно случайно пнул ее по ноге. Ее рука дернулась и несколько капель брызнули на ее руку, затушив чертову сигарету.

— О, прости, — сказал я без тени сожаления.

Она замерла, глядя на капли, стекающие по ее коже, затем перевела злобный взгляд на меня. Медленно поднесла запястье ко рту и слизала виски кончиком языка. Движение было настолько сексуальным, что у меня перехватило дыхание. Она смотрела на меня, пока ее язык касался кожи.

- Какое расточительство. Семь тысяч долларов и половина на полу.
- Можешь вылизать мой ковер.
- Лизать это по твоей части.

Эверли кинула испорченную сигарету в свой бокал и провела свободной рукой по шее, разминая мышцы. Ее пальцы потянулись к пуговице пиджака и замерли. Она посмотрела на меня. Потом расстегнула пуговицу. Потом вторую и сняла пиджак, небрежно кинув его на спинку кресла.

Под пиджаком оказался белый шелковый топ на тонких бретельках, который выдавал отсутствие нижнего белья под ним. Твердые и соблазнительные соски проступали сквозь ткань.

Мой рот пересох и вся кровь ринулась к члену. Я попытался отвести взгляд, но не смог. Эверли сидела, откинувшись в кресле и улыбалась. Ее поза была расслабленной, но в ее глазах горел огонь.

Я поставил бокал. Мое животное желание смешалось с примитивной злостью от того, как она так легко вывела меня из равновесия.

- Жарко? — спросила она, и в ее голосе прозвучала едва уловимая насмешка.
- В самый раз, — хрипло ответил я. — Они натуральные?

Вопрос был настолько грубым, лишенным всякого изящества, что я внутренне вздрогнул. Я ждал, что она швырнет в меня бокалом, но вместо этого уголок ее губ дрогнул.

— Зачем гадать? — она положила руки на подлокотники, выпячивая грудь. — Раз уж твое любопытство столь примитивно оформлено. Собери данные, Данте, и сделай вывод.

Мое сердце колотилось так, что, казалось, заглушит гул двигателей. Эверли смотрела прямо на меня не мигая. Я резко протянул руку, хватая ее запястье, и дернул на себя.

- Какого..., — пискнула она и приземлилась мне на колени.

Я обхватил ее за бедра, вдавливая в свою эрекцию. Я наклонился и прижался носом к тому месту, где под кожей билось ее сердце. Я чувствовал его бешеный ритм, намного более частый, чем ее спокойное лицо. Губы коснулись кожи, почувствовав соленоватый вкус.

— Твое сердце стучит как сумасшедшее, — прошептал я. — Твоя система оповещает о вторжении.

— Ложное... срабатывание, — выдавила она, ее руки вплелись в мои волосы. Она дернула их назад, заставляя меня встретиться с ней взглядом.

- Проверим.

Кончики моих пальцев скользнули по шелку топа. Я провел ими по выпуклости, почувствовав под тканью упругий бугорок. Эверли вздрогнула всем телом и издала звук, похожий на сдавленным стон. Ее губы приоткрылись, и она с силой вцепилась зубами в свою нижнюю губу.

Я повторил круговое, неторопливое движение. Сосок затвердел еще сильнее, откликаясь на мое прикосновение. Она закрыла глаза и выдохнула, полностью капитулируя.

— Данте... — прошептала она мое имя. Ее рука накрыла своей ладонью мою, прижимая к своей груди, вдавливая мои пальцы в плоть.

Я наклонился вперед и прижал свои губы к ее шее, прямо под ухом, к месту, где пульс отдавался особенно яростно. Вдохнул запах ее чистой кожи, дорогие духи с ноткой сандала и под ними едва уловимую, первобытную, теплую женскую эссенцию. Мои ладони сжали ее груди, пальцы продолжали ласкать соски. Я сжал их между большим и указательным пальцами и покрутил. Эверли сидела на мне верхом и терлась об меня бедрами, создавая дикое напряжение. Ее похотливый стон прошил меня насквозь.

- Мне нужно в уборную.

Эверли вскочила с меня, ее щеки горели румянцем. Я дал ей две секунды форы. Я встал и быстро пошел за ней. Толкнув дверь плечом, я легко распахнул ее. Эверли стояла лицом к зеркалу, ее руки вцепились в край раковины. Она вздрогнула, увидев мое отражение за своей спиной.

— Выметайся... — прошипела она.

Я влетел внутрь и захлопнул дверь, щелкая автоматическим замком. Мы оказались заперты в пространстве размером с роскошный гроб. Спина Эверли впечаталась в стену. Я прижался к ее горячему телу, заставляя прочувствовать каждый сантиметр моего возбуждения. Она ахнула. Я поднял руку и сжал ее горло, чувствуя под пальцами бешеную пульсацию крови, тепло и хрупкость трахеи.

— Я только начал, — прошептал я ей прямо в ухо. Мои губы коснулись мочки, и Эверли затрепетала. — Собираю первичные данные, а ты уже паникуешь.

Мои пальцы ловко скинули бретельки топа.

Я сгреб ее грудь руками, втянул ее сосок в рот и зажал зубами. Бедро Эверли дернулось вверх, прижимаясь ко мне.

— Так-то лучше, — прошептал я против ее горячей кожи, водя языком по ареоле.

Я оторвался, оставив сосок влажным и ярко-алым. Мой язык проник между ее губ. Ее губы были мягкими, как шелк, и я представил, как хорошо они смотрелись бы на моем члене. Мы дышали друг в друга, лишая остатков кислорода.

— Ты... нарушил мои личные границы, — простонала она. Ее бедра терлись о мои спортивные штаны. — Я... я имею право на ответные меры.

— Валяй, — прошипел я, и мои губы скользнули по ее щеке к губам. — Но сначала я хочу, чтобы ты поняла, с чем имеешь дело.

Эверли замерла.

— Я хочу снять с тебя юбку, — прошептал я.

Веки Эверли дрогнули. Она пыталась сохранить контроль над дыханием, но оно срывалось, становилось прерывистым.

— Я хочу узнать, — продолжил я, моя свободная рука скользнула вниз, — Какая ты на вкус между ног.

Пальцы скользнули по внутренней стороне бедра. Кожа была идеально гладкой, горячей, бархатистой. Я с удивлением обнаружил отсутствие нижнего белья. Она резко вздохнула, когда мои пальцы коснулись ее влажных складок. Ее голова запрокинулась и глухим стуком ударилась о стенку. Ее рука нащупала мою уже болезненно твердую, готовую взорваться эрекцию. Я застонал, когда ее прохладные пальцы обхватили меня, скользнули по всей длине, от основания к головке, смазанной собственной влагой.

— Без белья, дорогая? — прошептал я ей в губы. — Это корпоративная политика «Рид Эко»? Или подарок специально для меня?

Она не ответила. Ее зубы впились мне в губу, и я почувствовал вкус крови. Моя рука двинулась дальше, нащупывая ее горячий, мокрый, опухшим от желания центр. Я провел пальцами по всей длине ее складок, почувствовал, как она вздрогнула. Затем ввел один палец, медленно, до самого основания. Она была невероятно тесной и обжигающе горячей внутри.

— Я хочу трахнуть тебя, Эверли.

Я стиснул зубы и начал двигать пальцем между ее ног, пока не нашел узелок плоти. Эверли дышала короткими, частыми вздохами. Ее бедра начали двигаться навстречу моей руке, непроизвольно, против ее воли. Ее рука сжимала меня с силой, граничащей с болью, пальцы скользили по напряженной коже, находя ритм, который заставлял мое сознание плыть.

Ее прекрасное лицо искажается, как она закрывает рот рукой, чтобы не закричать.

— Еще, — выдохнула она. Я ввел второй палец и начал двигать рукой, находя ее ритм. Ногти Эверли впились мне в спину сквозь футболку. Влаги стало так много, что она стекала по моей руке.

Я вынул блестящие пальцы и поднес их к ее губам.

— Попробуй, — приказал я, и звук собственного голоса, темный и властный, удивил даже меня. Эверли послушно открыла рот и облила их, не отрывая от меня взгляда.

— Подожди, — прошептала она, и ее голос был хриплым от страсти. — Я хочу... отсосать тебе. Перед тем... как выброшу тебя из этого самолета в качестве некондиционного сырья.

Мир перевернулся с ног на голову. Ледяная королева встанет на колени в тесном туалете моего самолета. Это было слаще любой мести.

Я кивнул, не в силах вымолвить слово. Горло сжал спазм. Эверли опустилась передо мной на мягкий ковер, стягивая мои штаны и выпуская мой член на свободу. Она посмотрела на меня снизу вверх, и в ее глазах читалась смесь желания и покорности, от которой у меня сердце сорвалось в свободное падение.

Она наклонилась вперед. Сначала я ощутил просто дыхание, горячее на самой чувствительной коже. Затем Эверли провела языком от моих напряженных яич до кончика члена, обнимая губами головку. Я вздрогнул всем телом и уперся ладонями в стену, пытаюсь не кончить. Она не спешила, изучала реакцию, игралась мной. То засасывала, то отпускала, водила кончиком языка по уздечке. Эверли мастерски заглатывала меня все глубже и глубже. Ее рука работала у основания, создавая идеальное, сокрушительное давление. Звуки, которые она издавала, похотливые всхлипы и причмокивания, сводили с ума. Надо узнать имена всех ее бывших, на ком она училась и сломать им ноги.

Я чувствовал, как теряю землю под ногами, как контроль уплывает в теплую, влажную пучину ее рта. Глаза мои закатились, я слышал свой собственный хриплый стон, отдававшийся в тишине туалета. Я был на самом краю. Каждая мышца, каждое сухожилие напряглось до предела. Она захватила все мою длину, ее горло сжалось вокруг меня. Еще секунда, еще движение, и я взорвусь у нее во рту, отдам ей ее унижительную победу, признаю ее власть над моим телом.

— Детка... я сейчас... — успел я хрипло прошептать.

Внезапно, Эверли отстранилась и мой член выскользнул из ее рта с громким щелчком. Она быстро поднялась на ноги, ее движения были удивительно собранными. Ее губы блестели от моей смазки и ее слюны. Она вытерла рот ладонью, смотря на меня спокойным взглядом.

— Достаточно для сбора первичных данных, — она посмотрела на мое лицо, искаженное неудовлетворенным желанием и шоком.

Она поправила юбку, смахнула волосы с лица. Затем отодвинула меня в сторону — я, ошеломленный, позволил ей это сделать — и открыла дверь туалета. Прохладный воздух салона ворвался внутрь.

Я остался стоять на месте, с бешеной, пульсирующей эрекцией, с гудящей головной болью и с осознанием, что меня только что обыграли. Снова.

Ярость была такой всепоглощающей. Я с силой ударил кулаком по зеркалу и оно покрылось паутиной трещин, искажая мое бешеное отражение.

СУКА! — ревели у меня в голове. — *Холодная, расчетливая, ебущая СУКА!*

Я попытался успокоиться. Дышал, упираясь лбом в холодное разбитое зеркало. Она выиграла этот раунд.

Я привел себя в порядок и вышел в салон.

Эверли сидела на своем месте. Пиджак снова был на ней, застегнут на все пуговицы. Волосы поправлены. Она смотрела в свой iPad, как ни в чем не бывало. Только ее губы были ярче. И если приглядеться, на ее щеках играл легкий румянец.

— Ты кончил? — спросила она, не глядя на меня. — Теперь ты можешь меня не беспокоить.

Дрожащей рукой я налил себе еще виски.

— Ты играешь в опасные игры, Эв.

Она подняла на меня глаза. В них была та же ледяная пустота, что и в начале полета. Но теперь я знал, что под ней бушует буря.

— Это проверка на прочность. Ты ее не прошел.

Она снова опустила взгляд на экран. Я смотрел на нее. На эту невозможную, невыносимую, великолепную женщину, которая только что взяла мое самое животное желание, довела его до пика и вышвырнула в мусорку. Я хочу ее гений. Ее ярость. Ее лед. Ее порочный огонь. Я хочу, чтобы она была моей.

Я откинулся в кресле, поднес бокал к губам. Виски обжгло горло, но не смогло сжечь осадок ее вкуса у меня во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.